

Каутский Карл

Аграрный вопрос

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
К23

К23 **Карл К.**
Аграрный вопрос / Каутский Карл – М.: Книга по Требованию, 2025. – 260 с.

ISBN 978-5-519-88668-0

ISBN 978-5-519-88668-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящая книга обязана своимъ происхожденіемъ дебатамъ, вызваннымъ аграрной программой, предложенной на Франкфуртскомъ и отвергнутой на Бреславльскомъ партейтагахъ.

Мнѣнія о дебатахъ, вызванныхъ этими вопросами, могутъ быть различны, несомнѣнно только то, что взгляды на тенденціи, обнаруживаемыя развитіемъ современнаго сельскаго хозяйства не отличаются единствомъ; поэтому до сихъ поръ и не выработано неоспоримаго принципа, который могъ-бы послужить основаніемъ опредѣленной аграрной политики.

Поэтому въ Бреславлѣ единогласно была признана необходимость основательнаго теоретическаго изслѣдованія аграрныхъ условій.

Независимо отъ этого повода я уже ранѣе интересовался аграрнымъ вопросомъ. Онъ живо занималъ меня уже въ началѣ моей общественной дѣятельности. Въ 1878 г., когда я писалъ еще подъ псевдонимомъ „Symmachos“, въ одномъ вѣнскомъ журналѣ появился рядъ моихъ статей о крестьянствѣ. Въ 1879 г. я окончилъ свою книгу „О вліяніи увеличенія народонаселенія на прогрессъ общества“, въ которой большую роль играетъ вопросъ о производствѣ жизненныхъ припасовъ; въ 1880 г. въ „Ежегодникѣ Рихтера“ появилась моя статья о положеніи крестьянъ; въ 1881 г. въ „Staatsswirthschaftlichen Abhandlungen“ я поднялъ вопросъ о заатлантической конкуренціи въ производствѣ жизненныхъ припасовъ. Кромѣ того, я составилъ тогда-же рядъ популярныхъ брошюръ для крестьянъ („Дядя изъ Америки“ и др.).

Поэтому когда, въ срединѣ этого десятилѣтія, аграрный вопросъ выступилъ на первый планъ и привлекъ къ себѣ вниманіе извѣстныхъ партій Европы, мнѣ пришлось только возобновить старое знакомство—знакомство, которое я никогда и не терялъ изъ виду. Время сдѣлало его только болѣе интереснымъ, какъ практически, такъ и теоретически. Ростъ демократіи и земледѣльческій кризисъ сдѣлали этотъ вопросъ однимъ изъ важнѣйшихъ практическихъ вопросовъ, съ которыми намъ приходилось имѣть дѣло. Марксизмъ между тѣмъ сдѣлался повсюду основаніемъ общественнаго прогресса, появился третій томъ „Капитала“ съ его блестящими изслѣдованіями земельной ренты; но въ то же время развитіе сельскаго хозяйства обнаружило такія явленія, которыя кажутся несовмѣстимыми съ ученіемъ Маркса. Такимъ образомъ аграрный вопросъ сталъ представлять высокій интересъ и съ теоретической точки зрѣнія.

При обсужденіи давно извѣстнаго мнѣ вопроса я не ожидалъ встрѣтить особыхъ затрудненій и мнѣ хотѣлось поскорѣе представить публикѣ свой трудъ, такъ какъ онъ касается не академическихъ, а практическихъ и притомъ живо-

трепещущихъ вопросовъ. Тѣмъ не менѣе, прошло три года, прежде чѣмъ мнѣ удалось напечатать этотъ трудъ. Это замедленіе было вызвано отчасти многочисленными занятіями по моей профессіи и текущими дѣлами, а также выпавшей мнѣ на долю по смерти Энгельса обязанности принятія участія въ изданіи наслѣдія Маркса; другой, наконецъ, причиной замедленія было то обстоятельство, что для обоснованія моей работы я хотѣлъ воспользоваться преимущественно данными новѣйшихъ статистическихъ изслѣдованій, анкетой англійской парламентской аграрной комиссіи, третьимъ томомъ американскаго ценза (переписи) 1890 г., касающимся земледѣлія, французской аграрной анкетой 1892 г. и германской статистикой сельскохозяйственныхъ промысловъ и производствъ; всѣ эти матеріалы были опубликованы только въ 1897 и даже въ 1898 гг. Кромѣ того, при началѣ работы выяснилось, что рамки брошюры для нея слишкомъ тѣсны, а я полагалъ сперва издать ее въ формѣ брошюры.

Я думаю, что мы отнюдь не нуждаемся въ новыхъ монографіяхъ и анкетахъ по сельскому хозяйству. Хотя подобныя произведенія и заслуживаютъ вниманія, но и безъ нихъ достаточно трудовъ, освѣщающихъ положеніе сельскаго хозяйства; правительство, наука и публицисты господствующихъ классовъ ежегодно даютъ огромное количество подобнаго рода произведеній; то, что необходимо, это изслѣдованіе, которое обнаружило-бы красную нить, проходящую черезъ весь этотъ хаосъ фактовъ; необходимо изслѣдованіе основныхъ тенденцій, управляющихъ виѣшними явленіями. Отдѣльныя явленія аграрнаго вопроса, какъ напримѣръ отношеніе между крупнымъ и мелкимъ производствомъ, задолженность, право наслѣдованія, недостатокъ рабочихъ рукъ, заатлантическая конкуренція и т. д., всѣ эти явленія разсматривались до сихъ поръ какъ обособленные вопросы; теперь-же дѣло идетъ о томъ, чтобы разсмотрѣть ихъ какъ частныя явленія общаго процесса. Задача эта трудна, тема обширна и мнѣ неизвѣстно ни одной выдающейся работы, которая обсуждала-бы данный вопросъ съ точки зрѣнія нашего современнаго міросозерцанія. Естественно, что передовые теоретики посвятили себя главнымъ образомъ изслѣдованію промышленнаго развитія.

Энгельсъ и Марксъ не разъ касались вопроса объ аграрныхъ отношеніяхъ, но обыкновенно лишь въ краткихъ примѣчаніяхъ и небольшихъ статьяхъ. Исключеніе составляетъ глава о земельной рентѣ въ третьемъ томѣ „Капитала“, но она не даетъ никакихъ конечныхъ выводовъ. Марксъ умеръ, не закончивъ своего труда. Но если-бы онъ даже окончилъ его, то мы все таки не нашли-бы въ немъ тѣхъ данныхъ, которыя мы теперь разыскиваемъ.

Согласно плану своего труда, онъ касается въ немъ лишь капиталистическаго сельскаго хозяйства; насъ-же въ настоящее время интересуетъ главнымъ образомъ роль докапиталистическихъ и некапиталистическихъ формъ сельскаго хозяйства, входящихъ въ составъ капиталистическаго общества.

Тѣмъ не менѣе, „Капиталъ“ является неоцѣнимымъ при нашемъ изученіи условій сельскаго хозяйства, неоцѣнимымъ не только по своимъ выводамъ, но главнымъ образомъ по своему методу, который облегчаетъ намъ работу и въ области, не затронутой въ „Капиталѣ“. Если мнѣ въ данномъ произведеніи и удалось развить новыя плодотворныя мысли, то я прежде всего обязанъ этимъ моимъ двумъ великимъ учителямъ и я тѣмъ охотнѣе заявляю объ этомъ здѣсь, что съ нѣкотораго времени даже въ кругахъ моихъ единомышленниковъ стали раздаваться голоса, находящіе точку зрѣнія Энгельса и Маркса устарѣвшей; они признаютъ, что въ свое время Марксъ и Энгельсъ сказали многое достойное

вниманія, что и въ настоящее время ихъ произведенія будятъ мысль; но кто не хочетъ завязнуть въ догматизмъ, тотъ долженъ перешагнуть черезъ нихъ, чтобы достигъ болѣе широкаго міровоззрѣнія. По ихъ мнѣнію, это есть развитіе точки зрѣнія Марксовской діалектики, которая учитъ, что неизблennyхъ истинъ нѣтъ и что всякое развитіе совершается путемъ отрицанія существующаго.

Это мнѣніе, кажущееся столь философскимъ, ведетъ насъ, однако, къ тому замѣчательному выводу, что Марксъ неправъ уже потому, что правъ, что діалектика не вѣрна, потому что вѣрна,—къ выводу, въ которомъ неоспорима только ложность діалектики,—но не діалектики Маркса.

Еще въ своемъ „Антидюрингъ“ (2-е изд. стр. 133) Энгельсъ указывалъ, какъ нелѣпо считать такое отрицаніе, которое уничтожаетъ, членомъ діалектического процесса. Развитіе путемъ отрицанія ни въ какомъ случаѣ не означаетъ отрицанія *всего* существующаго, а скорѣе предполагаетъ дальнѣйшее существованіе того, что подлежитъ развитію. Отрицаніе капиталистическаго общества слѣдующимъ за нимъ строемъ не означаетъ уничтоженія человѣческаго общества, но лишь уничтоженіе извѣстныхъ сторонъ одной изъ фазъ его развитія. Но отрицаніе это отноудъ не означаетъ уничтоженія *всѣхъ* тѣхъ сторонъ капиталистическаго строя, которыя отличаютъ его отъ предшествовавшей ему общественной формы. Если капиталистическая собственность есть отрицаніе индивидуальной, то будущій строй общества есть „отрицаніе отрицанія“. Онъ возстановитъ индивидуальную собственность, *но не на основаніи пріобрѣтеній капиталистической эры.* (Марксъ. „Капиталь“, 2-е изд. стр. 793 нѣм. текста).

Развитіе только тогда является прогрессомъ, когда оно не только отрицаетъ и уничтожаетъ, но и поддерживаетъ, если въ существующемъ, рядомъ съ тѣмъ, что уже отживаетъ, оно открываетъ стороны, достойныя сохраненія.

Прогрессъ состоитъ въ накопленіи пріобрѣтеній предшествовавшихъ эпохъ развитія. Развитіе организма обусловливается не только приспособленіемъ, но и наслѣдственностью; классовая борьба, развивающая человѣческое общество, направлена не только на разрушеніе и созиданіе, но и на завоеваніе съ цѣлью сохраненія существующаго; прогрессъ науки былъ-бы невозможенъ безъ передачи ея прежнихъ пріобрѣтеній и безъ критическаго ихъ анализа; прогрессъ искусства основывается не только на оригинальности генія, разрушающаго всѣ рамки, выработанныя въ прошломъ, но также и на пониманіи великихъ произведеній предшественниковъ.

Только изученіе дѣйствительности даетъ намъ возможность судить о томъ, что должно погибнуть и что должно сохраниться; діалектика совершенно не можетъ служить шаблономъ и замѣнять собой изслѣдованіе этого вопроса. Она представляетъ собой только средство, способствующее методичности изслѣдованія и изошряющее зрѣніе изслѣдователя. Въ этомъ состоитъ ея высокое назначеніе. Но она не даетъ прямо въ руки готоваго результата.

Итакъ, мнѣніе, выводящее изъ самого ученія Маркса необходимость его собственнаго уничтоженія, зиждется на совершенно ложномъ пониманіи его діалектики. Насколько это ученіе ошибочно, и насколько представляетъ *κτῆμα ἐξ αἰεί*, постоянное пріобрѣтеніе науки,—этотъ вопросъ рѣшается не ссылкой на діалектику, а лишь изслѣдованіемъ фактовъ. Факты-же до сихъ поръ, какъ мнѣ кажется, не приводили къ „отрицанію“ марксизма. Я вижу одни только колебанія и сомнѣнія; но нигдѣ не нахожу ни одной новой истины, которая могла-бы стать на мѣсто марксизма. Одни сомнѣнія и колебанія не представ-

ляютъ отрицанія въ діалектическомъ смыслѣ, не означаютъ дальнѣйшаго развитія за предѣлы существующихъ утопій и не упраздняютъ марксизма.

Причина сомнѣній кроется, по моему, скорѣе въ личностяхъ сомнѣвающихся, чѣмъ въ ученіи, подвергнутомъ сомнѣнію. Я прихожу къ такому заключенію не только на основаніи результатовъ изслѣдованія этихъ сомнѣній, но и на основаніи личнаго опыта.

Мои симпатіи въ началѣ моей работы были отнюдь не на сторонѣ марксизма. Я относился къ нему также критически и недовѣрчиво, какъ любой изъ тѣхъ, кто въ настоящее время съ такимъ презрѣніемъ смотритъ сверху внизъ на фанатическій догматизмъ. Лишь послѣ борьбы сталъ я сторонникомъ теоріи Маркса. Но тогда, какъ и позже, когда у меня являлось сомнѣніе въ какомъ-нибудь основномъ вопросѣ, я находилъ всегда, въ концѣ концовъ, что виноватъ былъ я, а не мои учителя; болѣе глубокое изученіе предмета всегда заставляло меня признать правильность ихъ точки зрѣнія.

Явленія сельскохозяйственнаго развитія вызвали очень сильныя сомнѣнія въ „догматахъ Маркса“.

Предлагаемое сочиненіе покажетъ, насколько справедливы эти сомнѣнія.

К. Каутскій.

Берлинъ-Фриденау.
Декабрь 1898 г.

I.

В в е д е н і е.

Капиталистическая форма производства царитъ въ современномъ обществѣ. Контрастъ между классомъ капиталистовъ и классомъ наемныхъ рабочихъ есть двигатель нашего времени, налагающій на все свой отпечатокъ. Но капиталистическая форма производства—не единственная въ нашемъ обществѣ; рядомъ съ нею сохранились остатки докапиталистическихъ формъ производства; въ нѣкоторыхъ же видахъ государственнаго и общественнаго хозяйства, а также въ дѣятельности различныхъ союзовъ мы уже можемъ открыть зачатки болѣе высокой формы производства. Но контрастъ между классомъ капиталистовъ и наемныхъ рабочихъ не есть единственный контрастъ нашего времени. Рядомъ съ этими двумя классами, и между ними, существуетъ много другихъ классовъ: здѣсь сильныя міра сего и его подонки, тамъ разныя формы низшаго пролетаріата (Lumpen-proletariat). Эти классы—отчасти продукты докапиталистическаго общества, отчасти-же они вызваны къ жизни, или, по крайней мѣрѣ, ускорены въ своемъ развитіи потребностями самого капитализма. Политическая борьба нашего времени отличается непостоянствомъ и сопровождается самыми странными сюрпризами и это благодаря существованію упомянутыхъ разнообразныхъ, частью возвышающихся, частью падающихъ классовъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ свои особые интересы, постоянно мѣняющіеся, скрещивающіеся и переплетающіеся самымъ причудливымъ образомъ, не сливаясь, однако-же, вполне съ интересами класса капиталистовъ, съ одной стороны, и съ интересами рабочихъ—съ другой.

Обиліе социальныхъ явленій не должно сбивать съ толку теоретика, желающаго изучить законы, управляющіе жизнью нашего общества. Онъ долженъ изслѣдовать капиталистическое производство въ его чистомъ видѣ, въ его классической формѣ, освобожденной отъ тѣхъ остатковъ старыхъ и зачатковъ новыхъ формъ, которыми классическая форма всегда бываетъ окружена. Но политикъ практикъ впадетъ въ грубую ошибку, если, не обращая вниманія на другіе классы, онъ допуститъ, что капиталисты и пролетаріи—единственные дѣйствующие факторы современнаго общества.

Въ „Капиталѣ“ Маркса говорится только о капиталистахъ и пролетаріяхъ. Въ его-же „18 Брюмера“ и „Революція и контръ-революція въ Германіи“ рядомъ съ капиталистами и пролетаріями фигурируютъ и великіе міра сего, и подонки пролетаріата, и крестьяне, и бюргеры, и бюрократы, и солдаты, и профессора, и студенты.

Изъ числа этихъ промежуточныхъ слоевъ общества крестьянство, составлявшее у насъ еще недавно главную массу населенія, вызывало къ себѣ въ

началъ нашего столѣтія особый интересъ со стороны демократическихъ и прогрессивныхъ партій. Вышедшимъ изъ городовъ представителямъ этихъ партій крестьянинъ казался существомъ мистическимъ, непонятнымъ, иногда даже неприятнымъ. Онъ, передъ тѣмъ столь неутомимо боровшійся съ церковью, съ князьями, съ дворянствомъ,—сдѣлался теперь самымъ упрямымъ ихъ защитникомъ; онъ не разъ съ такимъ же упорствомъ отстаивалъ своихъ притѣснителей, съ какими другіе классы боролись за свою эмансипацію; онъ нерѣдко обращалъ противъ демократіи оружіе, полученное отъ нея-же.

Представители рабочихъ въ прежнее время мало беспокоились участіемъ крестьянина. Эти дѣятели—не народная партія, въ буржуазномъ смыслѣ этого слова; они не стремятся къ всеобщему благоденствію, не пытаются примирить интересы всѣхъ классовъ народа, какъ-бы противоположны эти интересы ни были; это партія классовой борьбы. Въ первые годы своего существованія она была всецѣло занята организаціей городского пролетаріата, предвидя, что въ деревнѣ, какъ было и въ городѣ, процессъ экономическаго развитія предупредить ее, подготовивъ ей почву для дѣятельности, что борьба мелкаго хозяйства съ крупнымъ копчится вытѣсненіемъ перваго, послѣ чего ей, какъ чисто рабочей партіи, не трудно будетъ привлечь на свою сторону массу сельскаго населенія.

Теперь эта партія уже настолько выросла, что ей въ городѣ показалось тѣсно; но очутившись въ деревнѣ, она тамъ на первыхъ же порахъ столкнулась съ той таинственной силой, которая уже раньше не разъ поражала неожиданностями дѣятелей прежнихъ демократически-прогрессивныхъ партій. Она замѣтила, что мелкое сельское хозяйство исчезаетъ вовсе не такъ быстро, что крупное хозяйство только медленно прогрессируетъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ даже регрессируетъ. Вся экономическая теорія, на которую партія опиралась, показалась ложной, какъ только ее попробовали примѣнить къ сельскому хозяйству. Если-бы теорія дѣйствительно оказалась непримѣнимой къ сельскому хозяйству, то партія должна была-бы не только измѣнить свою прежнюю тактику, но и перемѣнить всѣ свои основныя положенія. У В. Зомбарта въ его послѣднемъ сочиненіи эти соображенія переданы весьма мѣтко: „Положимъ—говоритъ онъ—что въ хозяйственной жизни найдутся области, не подчиненныя вышеупомянутому процессу обобществленія, и именно потому не подчиненныя, что при существующихъ условіяхъ въ нихъ мелкое производство выше, жизне-способнѣе, чѣмъ крупное—какъ быть тогда? Въ этомъ вопросѣ вся суть проблемы, которая нынѣ стоитъ передъ представителями рабочихъ въ видѣ аграрнаго вопроса“.

„Долженъ-ли идеаль реформированнаго хозяйства испытать принципиальное измѣненіе? Должна-ли испытать подобное измѣненіе программа, развившаяся на почвѣ новѣйшаго экономическаго идеала? Если затѣмъ намъ, дѣйствительно, придется убѣдиться, что въ процессѣ аграрнаго развитія нѣтъ тенденціи къ крупному производству, что въ сферѣ аграрнаго производства крупное хозяйство не есть вездѣ и всегда высшая форма,—то передъ нами будетъ поставленъ категорическій вопросъ: должно-ли наше движеніе стать демократическимъ въ въ томъ смыслѣ, что оно будетъ обнимать мелкихъ производителей, измѣнивъ при этомъ свою программу, путемъ исключенія изъ нея производства на новыхъ началахъ, или же оно должно остаться прежнимъ, сохранить прежніе идеалъ и цѣль, но исключить изъ сферы своего вліянія мелкихъ производителей....?“ „Мы здѣсь пришлось говорить условно, такъ какъ, насколько мы извѣстно,

въ настоящее время нельзя сказать съ достовѣрностью: ни какова тенденція развитія въ сферѣ аграрныхъ отношеній, ни какая форма производства является вышею въ сельско-хозяйственномъ производствѣ, ни вообще, можно-ли здѣсь признать ту, или другую форму высшей. Насколько я ее понимаю, теорія Маркса не даетъ въ сущности отвѣта на эти вопросы; мнѣ кажется, что дедукціи Маркса нельзя переносить прямо въ область аграрныхъ отношеній. Марксъ сказалъ много цѣннаго также и по аграрному вопросу, но его теорія развитія, въ основѣ которой лежитъ ростъ крупнаго производства и пролетаризація народныхъ массъ, ясна только въ прииѣненіи къ промышленности. Прииѣненная-же къ аграрному развитію она не ясна и мнѣ кажется, что только научное изслѣдованіе способно заполнить пробѣлъ, существованіе котораго нельзя отрицать“.

Спорный вопросъ о преимуществахъ крупной и мелкой земельной собственности занимаетъ умы экономистовъ уже болѣе столѣтія и всетаки не предвидится конца этому спору, который не помѣшалъ, конечно, сельскому хозяйству быстро развиваться. Путь этого развитія вполне ясенъ и не допускаетъ разногласій. Но изслѣдователь не прослѣдитъ этого пути, если онъ сосредоточитъ все свое вниманіе на борьбѣ крупнаго производства съ мелкимъ и будетъ разсматривать сельское хозяйство отдѣльно, безъ всякой связи съ ходомъ всего общественного производства.

Не подлежитъ сомнѣнію, что сельское хозяйство развивается не по тому-же шаблону, по которому совершается развитіе промышленности; оно подчиняется своимъ собственнымъ законамъ. Но изъ этого еще никоимъ образомъ не слѣдуетъ, что процессы развитія сельскаго хозяйства и промышленности противоположны и несовмѣстимы. Мы надѣемся, напротивъ, показать, что оба эти процесса ведутъ къ одной и той же цѣли; разъ только мы не будемъ изолировать ихъ другъ отъ друга, а будемъ видѣть въ нихъ части одного общаго интереса.

Теорія капиталистическаго производства Маркса не исчерпывается формулой: „вытѣсненіе мелкаго производства крупнымъ“. Недостаточно выучить эту формулу наизусть, чтобы получить ключъ къ уразумѣнію всѣхъ современныхъ экономическихъ вопросовъ.

Желая изучить аграрный вопросъ въ духѣ метода Маркса, мы не можемъ ограничиться разсмотрѣніемъ вопроса: имѣетъ-ли, или не имѣетъ будущность мелкое сельско-хозяйственное производство; мы должны, напротивъ, изучить всѣ тѣ измѣненія, которыя совершаются въ капиталистическомъ сельско-хозяйственномъ производствѣ. Намъ нужно рѣшить слѣдующіе вопросы: овладѣваетъ-ли капиталъ сельскимъ хозяйствомъ, производитъ-ли онъ въ немъ перевороты, вызываетъ-ли онъ необходимость новыхъ формъ производства и собственности, дѣлая старыя формы негодными и—какимъ образомъ онъ все это дѣлаетъ.

Только послѣ того, какъ мы отвѣтимъ на эти вопросы, мы будемъ въ состояніи выяснитъ, применима-ли теорія Маркса къ сельскому хозяйству. Этимъ мы ясно опредѣлили нашу задачу.

II.

Крестьянинъ и промышленность.

Капиталистическое производство развивается обыкновенно сперва въ городахъ, въ области промышленности (за исключеніемъ колоній); но сельское хозяйство остается долго нетронутымъ капитализмомъ. Уже самый процессъ промышленнаго развитія имѣетъ тенденцію измѣнять характеръ и сельскохозяйственнаго производства. Средневѣковая крестьянская семья представляла кооперацію, исключительно, или почти исключительно работающую на самое себя; ея члены не только производили все необходимыя для нихъ средства къ жизни, но строили своими силами домъ, изготовляли мебель, домашнюю утварь и даже большинство употреблявшихся тогда грубыхъ орудій; сами выдѣлывали кожу, обрабатывали ленъ и шерсть и шили одежду. Крестьянинъ, правда, бывалъ на базарѣ, но онъ продавалъ тамъ излишекъ своихъ продуктовъ, а покупалъ такіе товары, безъ которыхъ могъ-бы обойтись, за исключеніемъ, впрочемъ, желѣза, которое онъ поэтому, и старался елико возможно экономить. Отъ условій рынка зависѣло не его существованіе, а лишь комфортъ и роскошь.

Эта замкнутая кооперація была неуязвима. Хуже неурожая, пожара или непріятельскаго нападенія ничего съ ней случиться не могло. Но эти бѣдствія причиняли лишь преходящее зло, не подрывая хозяйства въ корнѣ. Противъ неурожая имѣлись обширные запасы хлѣба; скотъ давалъ молоко и мясо; воды и лѣса изобиловали пищей. Въ лѣсу было достаточно строеваго лѣса, чтобы поставить новый домъ на мѣстѣ сгорѣвшаго. Отъ непріятельскаго нашествія уходили въ лѣсъ, вмѣстѣ со скотомъ и движимостью, и возвращались обратно послѣ удаленія непріятеля. Какія-бы опустошенія послѣдній ни производилъ, онъ не могъ уничтожить главнаго: выгона, поля, лѣса. Раны быстро залѣчивались, если рабочая сила—люди и скотъ—оставались цѣлы.

Еще въ началѣ нашего столѣтія консервативный экономистъ Сисмонди въ такихъ яркихъ краскахъ описывалъ привольное житіе своего идеала, независимаго крестьянина: „сельское счастье, картины котораго мы можемъ найти въ исторіи славныхъ эпохъ римской и греческой жизни, не безъизвѣстно и въ нашемъ вѣкѣ. Вездѣ, гдѣ есть крестьянское земледѣліе, тамъ есть и благосостояніе, безопасность, увѣренность въ будущемъ, независимость, словомъ то, что служить гарантіей счастья и добродѣтели“.

„Крестьянинъ, который силами своей семьи обрабатываетъ наслѣдственный участокъ земли, не платитъ никому оброка и не держитъ наемныхъ рабочихъ; онъ производитъ именно столько, сколько потребляетъ, ѣстъ свой собственный хлѣбъ, пьетъ собственное вино, одѣвается въ домотканное полотно изъ собственного льна и домотканное сукно изъ собственной шерсти; такой крестьянинъ мало думаетъ о рыночныхъ цѣнахъ, потому что онъ мало покупаетъ и мало продаетъ; торговые кризисы не разоряютъ его. Будущее не только не страшитъ его, но наоборотъ: онъ ожидаетъ отъ него много прекраснаго; онъ пользуется каждой свободной отъ годовыхъ работъ минутой, чтобы сдѣлать что нибудь полезное дѣтямъ, даже грядущимъ поколѣніямъ. Не много времени нужно на то, чтобы бросить въ землю зерно, изъ котораго черезъ сто лѣтъ вырастетъ могучее дерево,—вырыть канаву, чтобы осушить поле, провести ключевую воду; пользуясь каждой свободной минутой, онъ можетъ неустаннымъ трудомъ улуч-

шать окружающіе его сорта растений и породы скота. Его маленькое наслѣдственное имѣніе есть настоящая сберегательная касса, всегда готовая принять его маленькія сбереженія, обратить въ деньги каждую минуту его досуга. Вѣчно дѣятельныя силы природы оплодотворяютъ все это и вознаграждаютъ крестьянина сторицей. Крестьянинъ живѣйшимъ образомъ чувствуетъ счастье, которое связано съ его владѣніемъ“ (I. C. L. Simonde de Sismondi. Etudes sur l'économie politique. I. Стр. 170, 171).

Еще шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ одинъ изъ выдающихся экономистовъ могъ описывать такими заманчивыми красками счастье мелкаго крестьянина. Авторъ подпустилъ немного черезъ-чуръ розовой краски; кромѣ того, его картина не можетъ служить изображеніемъ жизни всего крестьянскаго сословія того времени. Сисмонди имѣлъ передъ глазами Швейцарію и нѣкоторыя мѣстности верхней Италіи. Во всякомъ случаѣ картина эта не выдуманая, а написана съ натуры тонкимъ наблюдателемъ.

Стоитъ сравнить ее съ картиной нынѣшняго положенія крестьянина во всей Европѣ, не исключая и Швейцаріи, чтобы убѣдиться, что въ теченіе шестидесяти-лѣтняго промежутка времени въ деревнѣ произошелъ глубокий экономическій переворотъ.

Первый шагъ въ этомъ направленіи былъ сдѣланъ, когда возникла промышленность, носящая по преимуществу городской характеръ, и когда появился обмѣнъ товаровъ, чѣмъ уничтожено было крестьянское ремесло.

Въ крестьянской семьѣ раздѣленіе труда могло примѣняться лишь въ слабой степени; оно исчерпывалось раздѣленіемъ работъ между мужчинами и женщинами. Неудивительно, что городская промышленность перегнала сельское ремесленное производство и начала снабжать деревню такой утварью и такими орудіями, какихъ крестьяне не могли изготовить, или, если и могли, то гораздо болѣе низкаго качества. Развитіе промышленности и торговли вызвало въ городахъ появленіе новыхъ потребностей; послѣднія начали проникать и въ деревню и проникать тѣмъ скорѣе и неудержимѣе, чѣмъ оживленіе были сношенія деревни съ городомъ; крестьянское производство не могло ихъ удовлетворить. Въмѣсто холщевой рубашки и зѣриной шкуры появилась суконная одежда, лапотъ замѣнился сапогомъ и т. д. Militarизмъ способствовалъ этому процессу, притягивая крестьянскую молодежь въ города и прививая ей городскія привычки.

Распространеніе потребленія табаку и водки есть преимущественно дѣло рукъ того-же милитаризма. Наконецъ, нѣкоторыя отрасли городской индустріи усовершенствовались до такой степени, что многія крестьянскія издѣлія сдѣлались предметами роскоши, недоступными скромному крестьянскому бюджету и поэтому производство ихъ прекратилось. Напримѣръ, когда усовершенствовалось хлопчатобумажное производство и появились въ продажѣ дешевые ситцы, то обработка льна для собственныхъ потребностей крестьянъ повсюду сократилась, а во многихъ мѣстахъ совершенно вывелась.

Крестьянская индустрія, производившая продукты собственнаго потребленія, начала падать еще въ средніе вѣка, когда возникло городское ремесленное производство. Послѣднее проникало въ деревню медленно, не выходя за предѣлы ближайшихъ окрестностей города и очень незамѣтно измѣняло условія жизни крестьянъ. Еще въ то время, когда Сисмонди восхвалялъ крестьянское

счастье, возможенъ былъ типъ, изображенный Иммерманомъ¹⁾ въ дворовомъ старостѣ (въ „Мюнхаузенѣ“); это зажиточный вестфальскій крестьянинъ, который, между прочимъ, говоритъ: „дуракъ тотъ, кто даетъ кузнецу заработокъ, отдавая ему то, что онъ самъ можетъ сдѣлать“; въ другомъ мѣстѣ про старосту говорится, что „онъ самъ чинилъ всѣ косяки, двери, пороги, ящики и сундуки въ домѣ, а при случаѣ, самъ ихъ дѣлалъ. Я думаю, что если бы онъ захотѣлъ, то могъ-бы быть искуснымъ столяромъ и сдѣлать хорошій шкафъ“. Въ Исландіи и теперь нѣтъ ремесленного производства, въ строгомъ смыслѣ этого слова. Каждый крестьянинъ тамъ ремесленникъ.

Только капиталистическое производство въ состояніи быстро вытѣснить домашнее крестьянское производство предметовъ собственного потребленія, только капиталистическое обращеніе, со своими желѣзными дорогами, почтовыми сношеніями, газетами несетъ въ самые отдаленные уголки деревни городскіе взгляды и городскіе продукты, подчиняя капиталистическому вліянію все сельское населеніе, а не однихъ только жителей пригородныхъ мѣстностей.

По мѣрѣ того, какъ совершался процессъ исчезновенія исконнаго домашнего крестьянскаго производства, росла и потребность крестьянина въ деньгахъ. Онъ сталъ, наконецъ, нуждаться въ деньгахъ не только для пріобрѣтенія предметовъ, безъ которыхъ онъ легко могъ обойтись или совѣсть лишнихъ, но и денегъ для покупки предметовъ первой необходимости. Онъ уже не могъ вести хозяйства, не могъ жить безъ денегъ. Одновременно съ возрастаніемъ спроса на деньги среди крестьянъ, такой же спросъ возрасталъ и среди тѣхъ лицъ, которые эксплуатировали крестьянъ, т. е. среди феодаловъ, князей и другихъ представителей государственной власти. Это привело, какъ извѣстно, къ переложенію натуральныхъ повинностей на денежныя; вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружилась тенденція увеличивать размѣры повинностей, что, въ свою очередь, усилило еще больше потребность въ деньгахъ среди крестьянъ.

Чтобы добыть денегъ, крестьянину ничего другого не оставалось, какъ обращать свои произведенія въ товары и везти ихъ на рынокъ для продажи. Но, конечно, не продукты его отсталой промышленности находили себѣ обширный кругъ покупателей, а тѣ продукты, которыхъ городская промышленность не производила. Такимъ образомъ крестьянинъ по необходимости сдѣлался тѣмъ, что онъ есть теперь; но онъ вовсе не всегда былъ исключительно сельскимъ хозяиномъ. По мѣрѣ того какъ промышленность отдѣлялась отъ сельскаго хозяйства, исчезала та самостоятельность, увѣренность и пріятность крестьянской жизни, которую еще Сисмонди отыскалъ кое-гдѣ среди свободныхъ крестьянъ.

Крестьянинъ сдѣлался зависимымъ отъ рынка, который оказался капризнымъ и ненадежнымъ погоды. Отъ козней послѣдней онъ могъ еще кое какъ защититься. Отъ дождливаго лѣта онъ спасался отводными канавами, отъ засухи оросительными сооружениями, раскладывалъ костры, чтобы защитить ихъ дымомъ виноградникъ отъ весенняго мороза. Но онъ ничѣмъ не можетъ остановить наденія цѣнъ или усилить спросъ на хлѣбъ. Хорошій урожай, бывшій для него прежде счастьемъ, сдѣлался теперь его бичемъ. Это обнаружилось особенно ясно въ началѣ нашего столѣтія, когда сельскохозяйственное производство успѣло уже принять во всей западной Европѣ характеръ товарнаго

¹⁾ Нѣмецкій поэтъ (1796—1840); извѣстенъ своими описаніями вестфальской сельской жизни.